

Часть I

ВЕНДЫ В НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Люди и книги: к историографии вопроса

Историография полабских славян, накопившаяся к исходу XX в., позволяет заключить, что их история и культура были достаточно подробно изучены немецкими археологами, историками, лингвистами и отчасти этнографами, а также их коллегами из Польши, Чехии, России, Украины и других стран. Особо следует отметить исследование лужицких сербов (сорбов) — единственных представителей славянополабского этноса, сохранивших до настоящего времени этническое самосознание, язык и традиционную культуру. Однако эта тема находится за рамками нашего исследования. Что же касается ассимилированных полабских славян Северной Германии, то их изучение долгое время ограничивалось хронологическими рамками от времени заселения славянами северонемецких земель до периода немецкой колонизации, т.е. временем начиная с V–VII вв. до XII–XIII вв. или XV–XVI вв.

Первые сведения о полабских славянах или вендах содержатся в средневековой анналистике. Это свидетельства летописцев — современников многих событий сложной и неоднозначной истории немецкой колонизации земель за Эльбой. Прежде всего назовем епископа Титмара Мерзебургского, хроники которого датируются 1000 г. Приблизительно к этому времени относятся и сообщения каноника Адама Бременского о славянских племенах Рюгена и их религии. Сто лет спустя появилась «Хроника славян» Гельмольда, священника из Южного Гольштейна. Летописец был свидетелем обращений славян в католичество, жестокой борьбы колонизаторов с населением Вагрии — последнего оплота славянского этноса в этой части Германии. Саксон Грамматик, датский священник и доверенное лицо епископа Абсалона из Рескильде, оставил сообщение о событиях 1168 г., подробно описав в своей хронике покорение Арконы и разрушение языческого храма бога Свантевита. Еще одним источником для историков стала так называемая Кнутлинга-сага, мифопоэтическое сказание о датском короле Кнуде и его роде, написанное неизвестным автором в Исландии в первой половине XIII в.

Ценность этих летописей велика. Они долгое время представляли собой единственный исторический источник, из которого последующие поколения историков (вплоть до наших дней) черпали недостающие сведения о религии, обычаях славян, их по-

литическом устройстве и социальной структуре общества, поскольку сам народ практически не оставил о себе сообщений и памятников. Конечно, к этим источникам следует относиться критически, учитывая неточность информации, а также субъективность оценок и не всегда справедливые обобщения. Критические замечания, относящиеся к оставленным летописцами свидетельствам, в научной исторической литературе, в том числе русскоязычной, начали появляться уже в XIX в. [Гильфердинг, 1874; Егоров, 1915]. Но мы еще вернемся к этому вопросу.

Поскольку часто записи велись церковными служителями, интересовавшимися лишь борьбой Католической Церкви со славянскими язычниками, славянская проблема рассматривалась исключительно в таком преломлении. Поэтому особое внимание уделялось языческим божествам, культам и новообращению язычников. Проблемы экономического характера, хозяйства, быта и длительности сохранения славянского этноса в немецкой среде оставались вне сферы интересов священников средневековья. К сожалению, не существует хроник и описаний нецерковного характера. Источниками по славянской истории постколониационного периода для ученых XIX в. были письменные памятники — документы переписи населения, городские статуты, феодальные грамоты и т.д., а с 70-х гг. XIX в. — археологические и другие материалы, включая нумизматические.

Интерес к истории полабских славян возникает в немецкой историографии в раннее новое время. Он обусловлен развитием научного познания и великими географическими открытиями эпохи, которые породили интерес к другим народам, к соседям, для немцев — прежде всего к славянским народам и их происхождению, и связан с именем известного теолога и историка Альберта Кранца (ум. 1517 г.), автора монографий «Dania», «Wandalia», «Saxonia» и «Metropolis». Его деятельность соотносится с такими северонемецкими центрами, как Росток и Киль. Кранц затрагивал тему славян / вендов и при этом отождествлял термины «венды» и «вандалы», фактически смешивая вандалов-германцев с вендами-славянами, восприняв название «вандалы» (=славяне) от итальянской гуманистической традиции [Мыльников, 1999: 36]. Таким образом, Кранц впервые ввел в научный обиход термин «Вандалия» для обозначения заселенных полабскими славянами земель Германии.

Продолжателем идей Кранца и издателем его трактатов был немецкий историк и богослов Давид Хитрей (1513–1600), который изучал этнические особенности славянских племен Померании, Мекленбурга, Бранденбурга и Лужиц, а также их родство с другими ветвями славянской этнической общности. В последую-

щие десятилетия XVII в. в немецкой исторической, справочной и географической литературе в основном внимание уделялось перечислению названий вендских племен и описаниям местностей Германии, где они проживали. Из трудов следует отметить «*Newe vollkommene Chronica*» (1566) гуманиста и соратника Лютера Филиппа Меланхтона (1497–1560), «*Historia ecclesiastica Pomeraniae*» (1604) лютеранского богослова Даниэля Крамера (1568–1637), «*Enchiridion cosmographiam*» (1604) космографа Маттиаса Квада (1557 – после 1609), «*Geographia historica*» (1612) теолога, поэта и историка Германа Моземана-Фаброниуса (1570–1634) и некоторые другие сочинения, анализ которых дан в исследовании А.С. Мыльникова «Картина славянского мира» [Мыльников, 1996: 109].

Тема немецких славян была продолжена профессором истории Виттенбергского, Лейпцигского и Хельмштедского университетов, известным славистом Конрадом Самюэлем Шурцфляйшем (1641–1708). В 1695 г. в Виттенберге под его руководством была защищена диссертация Й.Л. Ольтгоффа на тему славянского периода истории Мекленбурга. Это отразило новый всплеск интереса к немецким славянам в Германии на рубеже XVII–XVIII вв., который был связан с политической ситуацией.

Надо сказать, что интерес к полабским славянам и их наследию «подогревался» не только учеными эпохи, но и (в случае с Вендландом) в немалой степени властями. Дело в том, что в 1671 г. так называемые «уезды Данненберга» (*Dannenbergische Dmter*) — Хитцакер, Люхов, Данненберг и Вустров — вернулись во владение герцогства Люнебургского, и правящие круги озаботились их неподобающим состоянием. Для выяснения причин герцог Георг Вильгельм дал распоряжение о визитации уездов, из которых постоянно поступали жалобы о «безбожном житии и недостойных обычаях вендов» [Schulz, 1985: 167]. 13 июля того же года получивший данное распоряжение оберсуперинтендант Йоахим Хильдебрант из Целле немедленно направился визитировать различные приходы и села, и по результатам генеральной визитации в августе 1671 г. был представлен отчет о том, «что он увидел и отметил в здешней земле вендов» [Vieth, 1900: 110]. Сообщение Хильдебранта, содержащее ценный этнографический материал, на долгие годы стало своеобразным отправным пунктом для исследований Вендланда. Будучи многократно переписанным и дополненным последующими поколениями ученых, собирателей и путешественников, отчет о визитации 1671 г. лег в основу различных сочинений, в том числе знаменитых путевых заметок Йоханна Георга Кайслера (1740–1741) [Keyssler, 1741].

Научный интерес к происхождению и культуре сохранявшихся в герцогстве Лüneбургском вендов стал всеобщим благодаря славноисторическим трудам великого немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) и его ученика Иоганна Георга Экхарта (1664–1735). В 1676 г. Лейбниц переехал в Ганновер, где с 1685 г. служил историографом ганноверского курфюрста. Здесь объектом его исследования стали так называемые лüneбургские венды, небольшое число которых еще проживало в деревнях Ганноверского Вендланда. В 1691 г. он обратился с письмом к Г.Ф. Митхофу, пастору из города Люхов, в котором навел справки о вендах и настоятельно просил адресата «собирать все, что можно еще найти в наше время необычного о полабских древностях и языке». Надо заметить, что сообщение Митхофа, составленное по поручению Лейбница, в основном содержало упомянутые материалы Йоахима Хильдебранта, расширенные позднейшими дополнениями [Vieth, 1900: 110]. В этом же году появляются первые записи отдельных слов и связных текстов дравенополабского языка — текст молитвы «Отче наш» и маленький вокабулярий с комментариями Лейбница.

Ученик Лейбница профессор Хельмштедского университета Иоганн Георг Экхарт переехал в Ганновер в 1694 г., спустя 18 лет после своего великого учителя, и долгое время выполнял ответственную научную работу по поручению Лейбница. Кроме посмертного издания сборника этимологических сочинений Г.В. Лейбница с комментариями [Leibnitii..., 1717], который содержит упомянутое письмо к пастору Митхофу, существенным вкладом в историографию вендов явилось собрание слов древнополабского языка. Получив в 1698 г. от инспектора Лüneбургского дворянского лицея Йоханнеса Фридриха Пфеффингера список вокабул, классифицированных по тематическим разделам, Экхарт опубликовал его под названием «Vocabularium Venedicum» в 35 главе «De Slavonicae linguae Dialectis in Germania superstitibus et de scriptoribus huc spectantibus» своего сочинения «История этимологических учений» в 1711 г. [Eccardi, MDCCXI].

Однако первым «серьезным полабистом» в Германии считается Кристиан Хеннинг «фон Йессен»* (1649–1719), пастор из маленького городка Вустров в княжестве Лüneбургском. Именно ему Ганноверский Вендланд обязан своим названием. Пастор Хеннинг, прослуживший на своем посту сорок лет (1679–1719), разыскивал всевозможные документы, памятники и книги по культуре вендов, объездил область Дравен, постоянно делая заметки

* Кавычки автора. В немецкоязычной традиции приложениями с «фон» обозначали происхождение лица. «Фон Йессен» здесь обозначает «родом из деревни Йессен в Вендланде».

о жизни, быте и обычаях населения деревень «Данненбергских уездов» (Данненберг, Люхов, Хитцакер, Вустров), однако все его бесценные записи погибли во время пожара в 1691 г. В первое десятилетие XVIII в. Кристианом Хенningом был составлен знаменитый «*Vocabularium Venedicum*» — наиболее полное собрание вендских слов, содержащее помимо полабско-немецкого глоссария краткий сравнительный словарь западно-славянских языков (полабско-чешско-лужицко-польский), а также тексты молитв на полабском языке и вендской свадебной песни с нотами [Christian Henning von Jessen, 1959]. Своим «Вокабулярием» пастор Кристиан Хеннинг «фон Йессен», большой друг вендского народа, который, кстати, писал под псевдонимом Вендхольт (Wendholt), вошел в историю славистической науки, став известным далеко за пределами маленького Вендланда.

Тема славянских изысканий в XVIII в. приобрела популярность в научной исторической мысли Германии (прежде всего, Мекленбурга), а также стала объектом общественного интереса. Поводом послужило заключение в 1716 г. брака между мекленбургским герцогом Карлом Леопольдом и племянницей Петра Великого Екатериной Ивановной, матерью будущей регентши Анны Леопольдовны. Ученые умы этого времени занимало историческое и генеалогическое обоснование династийных браков между представителями правящего Российского Императорского и Мекленбургского княжеского домов, а также доказательство родства обеих династий через далеких вендских предков. Такая историческая ретроспектива служила также обоснованием причин и последствий насильственной христианизации и колонизации славянских земель восточнее Эльбы, названной «средневековым натиском на Восток». В числе работ, посвященных генеалогическим обоснованиям браков между представителями российской императорской фамилии и мекленбургскими герцогами, следует упомянуть два трактата. Один принадлежал перу Фридриха Томаса, преподавателя и проректора церковного училища в Гюстрове, и назывался «*Avitae Russorum atque Meclenburgensium Principum propinguitatis seu cosanguinitatis monstrata ac demonstrata vestigia*» («Следы близости или кровного родства Русского и Мекленбургского великих домов, показанные и представленные с начал», 1717 г.); частью его был трактат 1716 г. «*Monstratio genealogica duplex*» («Двойная родословная»). Автором другого, ответного, трактата «*Historische Untersuchung des hohen Alterthums Verwandtschaft und Ursprungs des Gross-Czaarischen und Fürstlichen Mecklenburgischen Hauses*» («Историческое исследование глубокой древности родства и происхождения великого царского и мекленбургского княжеского

домов», 1717 г.) был земляк Томаса, придворный проповедник и суперинтендант из города Гюстров Георг Фридрих Штибер (1684–1755). Сочинения представляли собой полемику двух разных взглядов [Подробнее об этом см.: Raab, 1955/56: 366–369; Мыльников, 1989: 5–25].

Труды обоих авторов строились на изучении родства различных славянских племен, в первую очередь вендских, их расселения, языковой общности и доказательстве общеславянского родства. Интересной и новой для науки того времени была мысль о том, что состав населения на той или иной территории на протяжении столетий не остается неизменным, и территория Мекленбурга не являлась исключением. Здесь, по мысли Штибера, сменилось три этноса, после чего земли заселили представители немецкого этноса. Авторы сходятся в освещении вопроса о дальнейшей судьбе славянского населения Мекленбурга, заселенного к XVIII в. немцами, — полная смена населения Мекленбурга вследствие немецкой колонизации. В противоречие с этим тезисом входят многочисленные оговорки, упоминание наличия оставшихся вендских семей и политика немецких городов в отношении славян [Мыльников, 1989: 23]. Новым и знаковым для немецкой историографии было целенаправленное обращение к данным славянской топонимики Мекленбурга и Бранденбургской Марки и подчеркивание ее значимости как научного источника.

Вопрос о славянах неоднократно освещался в справочно-энциклопедической литературе конца XVII — начала XVIII вв. В первых, здесь следует назвать различные издания «Общей исторической энциклопедии» в двух томах («Allgemeines historisches Lexikon») немецкого философа, теолога и составителя справочной литературы Иоганна Франца Будея (1667–1729). Первое издание увидело свет в 1709, второе — в 1722 и третье — в 1730 гг. Во-вторых, внимания заслуживает «Большая полная универсальная энциклопедия всех наук и искусств» («Grosses vollstndiges Universal-Lexikon aller Wissenschaften und Künste») немецкого издателя Йоганна Хайнриха Цедлера (1703–1763).

Относительно исторической судьбы славянских племен за Эльбой в справочниках можно выделить две противоречивые точки зрения. Согласно одной из них, все славянские племена, за исключением сохранившихся серболужицких в Лаузитцу, полностью исчезли с этнолингвистической карты Европы к началу XVIII в. О причинах исчезновения основной массы полабских славян авторы словарных статей не сообщают, указывая только на изгнание вендов или их бегство. Подобные объяснения встречались также у Томаса и Штибера, из чего можно заключить, что

такой взгляд на проблему был весьма распространен в историографии того времени, стремящейся обойти подлинные обстоятельства и характер восточной экспансии. Другая точка зрения признает сохранение в местности, до сих пор называемой Вендланд, остатков полабских славян-древян, которые еще во время написания лексиконов сохраняли свой язык, многие древние суеверия и языческие верования. Кроме того, получили освещение некоторые аспекты насильственной ассимиляции полабских славян. Так, упоминается предписание, введенное после передачи Мекленбурга в лен Прибиславу II и изгнания вендов, согласно которому, поступающий на службу в цехи был обязан доказывать свое неславянское происхождение [подробнее об этом см.: Мыльников, 1986: 37–78; Мыльников, 1990: 16–22].

В следующие десятилетия XVIII в. тема «вендов» продолжала приковывать к себе внимание ученых и любителей древностей в Мекленбурге. К ней обратился местный просветитель Эрнст Иоганн Фридрих Мантцб в издаваемом им журнале «*Vitzowsche Ruhestunden*» (1761–1766). Ростокский лингвист и ономаст Пауль Теодор Карпов опубликовал здесь работу «Примечания из языка вендов для толкования истории Мекленбурга» (1762). В эпоху Просвещения венды и их место в истории Германии и среди других славянских народов стали предметом изучения ряда немецких просветителей, таких как Йоханн Готтфрид Гердер и Антон Фридрих Бюшинг. Определенную роль в пробуждении интереса общественности к истории и язычеству древних мекленбургских вендов сыграли так называемые «Прильвицкие идолы», первые сведения о которых относятся ко второй половине XVIII в. (1768–1771), — подделки, в истинность которых верили многие немецкие и славянские ученые вплоть до середины XIX в., в том числе братья Гримм, И. Тануш, К. Шульц, словацкий просветитель Ян Коллар (1793–1852) [Рокина, 1991: 103–106].

Несмотря на то, что тема славян / вендов в немецкой официальной историографии трактовалась как давно завершенный и не оставивший следов факт немецкой истории, общественный интерес к ней никогда не угасал, особенно в Мекленбурге. В XIX в. в мекленбургских герцогствах разработкой славянской проблемы занималось «Общество мекленбургской истории и изучения древностей», издававшее с 1836 г. годовые обозрения «*Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde*». Инициатором и одним из исследователей славянской темы в Мекленбурге стал секретарь Общества и многолетний издатель обозрений, тайный архивариус великого герцога Мекленбург-Шверинского Георг Кристиан Фридрих Лиш (1801–1883). В го-

довых обозрениях Лиш публиковал различные материалы в виде заметок и кратких сообщений о могильниках славянского периода, полемику по поводу происхождения топонимики и вопросов славянского язычества. Там же впервые был поставлен вопрос о местоположении города и храма Ретра. На страницах обозрения приводились различные точки зрения, развивались разные концепции, с помощью которых авторы пытались дать ответ на вопрос о механизмах онемечивания славянской земли Мекленбург.

Собирание фольклора, легенд и сказок имеет в Германии давнюю традицию — еще со времен писателей-романтиков и романтического движения за возрождение национальной немецкой культуры XIX в. Интерес к народному творчеству, фольклору и мифологии немецкого народа, начало которому положили Якоб и Вильгельм Гримм и другие писатели-романтики — Клемент Брентано, Людвиг Тик и т.д., — вызвал к жизни так называемое «фольклористическое направление» в изучении славянской темы в Германии, представленное Вильгельмом Шварцем и Адальбертом Куном. Важнейшим результатом их деятельности стало обширное собрание северонемецких сказаний и легенд, поверий, сказок и преданий на территории земель Шлезвиг-Гольштейн, Мекленбург и Померания вплоть до Северной Тюрингии. Основываясь на именах древнегерманских божеств (особенно Водана = Дикая охотник), сюжетах и персонажах германской мифологии (карлики, великаны, оборотни, злые духи, домовые, русалки и ведьмы) в фольклоре Северной Германии, они стремились доказать его общность с наследием других земель Центральной и Западной Германии, отрицая иные, ненемецкие параллели, в частности общеевропейского происхождения, и некоторое сходство со славянским фольклором.

Наибольшее число древних легенд и преданий о славянах сохранилось на о. Рюген и в других землях Померании. Это обусловлено тем, что в силу своего географического положения остров был длительное время обособлен от ассимиляционных процессов, протекавших на материке. Местные легенды и сказания привлекли внимание краеведов, писателей, просветителей еще в XIX в. Одним из первых систематических собирателей фольклора Померании был Эрнст Моритц Арндт (1769–1860). «Самый знаменитый сын острова Рюген» — Э.М. Арндт — родился в семье крепостного подданного Швеции в местечке Гросс-Шоритц на Рюгене и провел детство и юность в Померании, вбирая в себя вместе с рассказами матери любовь к древней истории острова: «Осенью и зимой родители занимались с нами школой; письму и счету нас учил отец, а мать давала уроки чтения и оживляла

наши юные души преданиями и сказками, которые она умела рассказывать с какой-то особенной прелестью» [Ernst Moritz Arndt, *Erinnerungen aus dem ausseren Leben*. Цит. по: Pleticha, Muller, 2000: 93]. Закончив Грайфсвальдский университет и прослушав курс теологии и истории в Йене, Арндт отправился в долгое странствие, во время которого он прошел пешком Германию, Австрию, Италию и Францию. Вернувшись в Грайфсвальд, он получил место преподавателя, а затем профессора университета. Сегодня собрание сказок и воспоминаний историка и публициста, поэта и государственного деятеля Эрнста Моритца Арндта представляет особенную ценность: оно содержит наиболее ранние варианты преданий, услышанных им в юности на родине и зафиксированных в старой литературной форме новонемецкого языка XIX в. или нижненемецкой диалектной форме. Сказки и таинственные истории с о. Рюген много раз переиздавались начиная с 1842 г.; последнее двухтомное издание вышло в свет в 1997 г. [Arndt, 1997]. Другие собиратели померанского фольклора опирались, как правило, на материалы Арндта, используя их как источник.

В начале XX столетия интерес к истории и фольклору Рюгена и Померании не только не угас, но и получил новый импульс вследствие развития международного транспортного сообщения, туризма и освоения этих земель в качестве курортных мест, ставших очень популярными. Начинают издаваться книги-путеводители, составленные историками и краеведами Померании, островов Узедом и Рюген. Одно из центральных мест в них отводится таинственной и потому особенно привлекательной теме славянского прошлого, легендам и сказаниям Севера, в том числе о вендах. Появляется большое количество путеводителей с подробными описаниями современных городов и экскурсами в их давнюю историю, легендами, связанными с часто посещаемыми местами. Эти книги и сейчас представляют собой любопытный материал по истории северонемецких земель и их культуре, накопленный в научной мысли к этому времени, а также источник по этнографии городов и сел начала XX в. [Wolterreck, 1931; Ettenburg, 1904].

Богатое наследие в виде научных заметок, монографий, собранных сказок и легенд Северной Германии оставил профессор Штеттинского университета (совр. город Щецин в Польше) Альфред Хаас. Он собрал колоссальное количество померанских легенд, сказаний, преданий и поверий, как объединенных в сборники, например «*Sagen und Erzählungen aus Bergen auf Rügen und seiner Umgebung*» («Легенды и рассказы из Бергена на Рюгене и его окрестностей», 1917), так и опубликованных в виде кратких сооб-

щений в рубрике «Краеведение» в различных померанских неполитических газетах и журналах, таких как «Pommersche Heimat» («Поморская родина»), «Am Pommerschen Herd» («У поморского очага»), «Ostsee-Zeitung» («Балтийская газета»), «Heimatleiw un Muddersprak» («Жизнь родины и родной язык»), «Heimatklänge» («Звуки родины»), «Rygensche Post» («Рюгенская почта») и «Monatsblätter der Gesellschaft für pommersche Geschichte» («Ежемесячник общества померанской истории»). Названия газет отражали их направленность и тематику: возрождение национального самосознания, интерес к прошлому, сохранение и изучение традиционной культуры, знакомство широкой публики с древними истоками померанской культуры. Хаас посвятил немало публикаций славянскому прошлому Рюгена и других померанских земель. В 1912 г. в газете «Pommersche Heimat» было опубликовано обращение А. Хааса к читателям с призывом о помощи в собирании легенд и устного фольклора о Рюген и материковой части Померании для издания большого сборника. Вниманию читателя предлагалась письменная анкета, составленная по правилам этнографических анкет. Наследие Хааса огромно и представляет значительный интерес для этнографической науки. Им собраны и опубликованы «Сказки и легенды острова Рюген» [Rygen. Sagen und Geschichten, 1998], переиздававшиеся с 1891 до 1939 гг. девять раз; фундаментальный «Сборник сказаний» острова Узедом-Воллин (1904, второе изд. 1924 г.), а также округов Гриммен и Грайфсвальд (1912); померанские легенды [Pommersche Sagen. Berlin-Friedenau, 1912]. Всего им опубликовано 26 книг и около тысячи статей и заметок в различных периодических изданиях. А. Хааса как ученого-этнографа отличает необыкновенная широта интересов: темами его исследовательской и собирательской деятельности стали духовные (обрядность, фольклор, обычаи) и материальные формы культуры (национальный костюм, жилище), а также история герцогских домов и христианства на Рюгене. Им был основан этнографический журнал «Blätter für pommersche Volkskunde» (1893–1902), ставший первым в Германии региональным этнографическим изданием.

Другим выдающимся собирателем северонемецкого фольклора и обрядов был Ульрих Ян, современник А. Хааса, внесший большой вклад в немецкую этнографическую науку своей диссертацией «Немецкие обычаи жертвоприношений в земледелии и скотоводстве» («Deutsche Opfergebräuche bei Ackerbau und Viehzucht», 1884). Им опубликованы две книги сборника «Народные сказания из Померании и с острова Рюген» (1886) и «Народные сказки Померании и Рюгена» (1891). Ценным в его тру-

дах является анализ работы этнографа-собиранья фольклорного материала и опыт общения с носителями традиции в аспекте их оценки для понимания степени адекватности информации.

Наиболее значительной и известной личностью в области мекленбургской этнографии считается Рихард Воссидло (1859–1939), оставивший после себя богатейшую картотеку по духовным и материальным формам культуры региона. Рихард Воссидло, учитель гимназии в городе Варен (Мекленбург), ставший впоследствии почетным доктором философского факультета университета г. Росток, всю жизнь посвятил работе с крестьянами. За неполных 60 лет полевых исследований Воссидло посетил практически каждую мекленбургскую деревню, опрашивая крестьян и доверенных лиц и записывая на карточках рассказы местных жителей разного возраста на нижненемецком диалекте. Он до сих пор считается одним из самых значительных полевых этнографов в современной европейской этнологии, основателем этнографии Мекленбурга и человеком, внесшим существенный вклад в становление немецкой этнографии. Одним из направлений его интереса были славянские рудименты в культуре деревенского населения Мекленбурга, в обычаях, обрядности и нарративных жанрах фольклора. К сожалению, при жизни ученого вышло в свет сравнительно небольшое количество статей и книг. Основной объем материала находится в архиве Института этнографии университета г. Росток («Воссидло-Архив») и ждет опубликования. Архив содержит 1 160 ящиков, что составляет почти 2 млн рукописных карточек, лишь небольшая часть которых получила обработку и была опубликована последователями Р. Воссидло. Следует отметить и А. Тойхерта, который, обработав материалы, собранные Рихардом Воссидло, издал в 1937 г. семитомный «Мекленбургский словарь» [Wossidlo, Teuchert, 1957], и профессора Зигфрида Нойманна, старшего сотрудника Института этнографии Ростка, стараниями которого в 1998 г. вышли в свет собрания легенд и преданий Мекленбурга, Померании [Neumann, SaM, SaP, 1998]. Им в 1970–80-е гг. был написан ряд монографий и теоретических работ по крестьянским сатирическим рассказам как жанру народной прозы.

В 1920-е гг. интерес этнографов и историков был направлен на языческие верования полабских славян, культы и капища на территории Северной Германии. В печати появляется ряд статей о языческих святилищах Арконе и Ретре, обогащенных археологическим материалом, который, например, позволил немецкому археологу Карлу Шухарду в 1921–1922 гг. правильно определить местоположение храма Арконы. Многие работы немецких авторов, выходящие в эти годы, посвящены попыткам реконст-

рукции славянского языческого пантеона, а также локализации древних культовых мест и святилищ на территории Мекленбурга и Передней Померании. Одной из таких работ стала большая статья филолога и историка Р. Асмуса «Следы вендских поселений и культов в топонимике области Тетеров и ее ближайшего окружения», печатавшаяся в выпусках исторического журнала «Mecklenburg» в 1925 г. Автор основывал исследования и гипотезы в области реконструкции культовых мест на материале топонимике как славянского, так и неустановленного происхождения, что, впрочем, было характерно и для некоторых работ представителей мифологического направления в филологии и фольклористике XIX в., писавших на тему славянополабского язычества (например, Карла Клёдена [Kluden, 1847]).

Исследования в области этнографии, истории и фольклористики 30-х гг. XX в. отмечены пронемецкими националистическими настроениями. В отношении вендской темы это, в частности, проявлялось в умалении или полном игнорировании роли славян в формировании северонемецкого субэтноса, а также оправдании и обосновании культурной отсталостью славян немецкой колонизации и насильственной ассимиляции: прогрессивные немецкие народы, носители христианской культуры, принесли на здешние земли зачатки цивилизации. Такой характер носят статьи этнографического атласа Померании («Atlas der Pommerschen Volkskunde»), изданного северонемецким этнографом и историком Карлом Кайзером в Грайфсвальде в 1936 г. Атлас очень подробно описывает распространенные в Померании обычаи повседневной жизни, праздники и указывает географический ареал распространения их локальных названий с приложением карт [Kaiser]. Однако автор, заведомо ставя перед собой задачу доказать общность земли Померания с другими землями Рейха, отрицает ее самобытность и не допускает малейшей общности со славянскими землями. Найденные в Чехии, Польше и других славянских землях аналогии и примеры, имеющие явные славянские корни, не мешают ему доказывать, что бытовая и аграрная обрядность, верования и фольклор Померании являются общими для всех германских земель. Несмотря на достоинства этого труда, многие утверждения Кайзера не соответствовали реальной ситуации.

Славяно-германские исследования вступают в новую стадию после Второй мировой войны, в 1950-е гг. Именно со второй половины XX в. намечается тенденция серьезного научного подхода к изучению топонимике земель бывшего расселения племен полабских славян — побережья Балтийского моря и островов, материковой части Померании, районов Мекленбурга и Ганно-

верского Вендланда. В конце 1940-х гг. выходят наиболее полные собрания топонимов Райнхарда Траутманна с толкованиями и научно обоснованной этимологией географических названий, посвященные областям Поэльбья, островов Балтийского моря [Trautmann, 1949, 1953], Мекленбурга, Гольштейна [Trautmann, 1950] и прилежащих областей [Trautmann, 1939]. Труд по полнению собрания Траутманна в 1990-х гг. взяла на себя группа «Ономастика» Института славистики Грайфсвальдского университета им. Э.М. Арндта во главе с филологом-славистом профессором Манфредом Нимайером.

В 1950–1960-е гг. выходит ряд публикаций и отчетов об экспедициях, археологических раскопках и т.д., увидели свет труды немецких этнографов, посвященные типам славянских деревень, особенностям мекленбургского жилища и костюма; создается ряд этнографических музеев и этнопарков. Именно в эти годы кроме исследовательской начинается собирательская и музейная деятельность в регионах, представляющих интерес для данного исследования: Юго-Западном Мекленбурге и Ганноверском Вендланде. Летом 1956 г. состоялась этнографическая экспедиция группы ученых из Лейпцигского этнографического музея во главе с сотрудником музея Кристой Купфер в Юго-Западный Мекленбург. В ходе полевой работы была собрана единственная полная коллекция традиционных предметов быта жителей Ябельхайде, хранящаяся сейчас в Краеведческом музее г. Хагенов (Илл. 35, 36). Руководство музея планирует продолжать пополнение вещественных коллекций по культуре жителей Юго-Западного Мекленбурга. Материалы экспедиции и коллекция предметов традиционной утвари, орудий рыболовства, скотоводства, сельскохозяйственного и ремесленного производства были проанализированы в диссертации К. Купфер «Исследования материальной культуры населения пустоши в Юго-Западном Мекленбурге (Ябельхайде)», которая была защищена в Берлинском университете им. Гумбольдтов и опубликована в 1958 г. На основе приобретенных в экспедиции предметов автор подробно описала различные стороны жизни и материальные формы культуры населения в исторической динамике; изложила оценку состояния и тенденций развития материальных форм культуры населения Юго-Западного Мекленбурга в середине XX в. [Kupfer, 1958]. Диссертация является наиболее полным этнографическим исследованием по материальной культуре Ябельхайде. В дальнейшем доктор Криста Купфер планировала издание монографии по духовным формам культуры населения пустоши, куда были бы включены накопленные ею материалы по топонимике и устным преданиям региона, однако, к сожалению, это не было

осуществлено. Труд К. Купфер и собранная ею коллекция позволили другому исследователю региона Юго-Западного Мекленбурга — ученому-музееведу и директору краеведческого музея г. Хагенов Хенри Гавлику — провести собственное исследование материальных форм культуры региона. Гавлику удалось установить возможность славянского происхождения одного предмета из собрания Купфер — ступки для дробления зерна, известной по раскопкам славянского городища IX в. Гросс Раден на территории Мекленбурга и используемой в Ябельхайде и Вендланде до конца XIX в. [Gawlik, 1989/90: 35].

Другим исследованием, представляющим огромную ценность для изучения славянополабских элементов в культуре Северной Германии, стала диссертация Йоахима Швебе, ученого из Саксонии. Будучи результатом многолетней полевой работы в деревнях Ганноверского Вендланда, она до сих пор остается единственной монографией, посвященной современному для автора состоянию духовной культуры региона (1950-е гг.). Важно подчеркнуть, что при изучении любого культурного факта Швебе не исключал возможность присутствия в нем славянского влияния или происхождения.

В послевоенной европейской историографии проблематика славяно-германских отношений стала предметом исследования новой социальной истории. Одним из центров этого направления европейских медиевистических исследований стала Констанцская рабочая группа, выработавшая новые принципы и методы исследования. Акценты «смещались в сторону изучения *двустороннего* процесса взаимодействия переселенцев с местным населением на всех уровнях и его культурных, социальных и политических результатов в отличие от традиционной историографии, ставившей в центр внимания событийную сторону немецкой колонизации» [Ястребицкая, 1999: 8]. Новым было то, что такой подход был определяющим и главным в исследовании и предполагал целостность и системность анализа, объединяя в себе усилия археологов, филологов, картографов и топонимистов, т.е. являлся междисциплинарным.

Важным результатом нового подхода было создание по инициативе В. Фритце в Институте им. Фридриха Майнеке Вольного университета Берлина в 1978 г. междисциплинарной рабочей группы «Germania Slavica», задачей которой стало проведение исследований по взаимопроникновению славянского и германского этносов в восточно-германских поселениях в средние века. При этом термин «Germania Slavica» в пространственном отношении исторически толковался как земли Мекленбурга, Померании, Восточной Пруссии, Бранденбурга, Саксонии-Анхальта, Саксонии и Силезии [Любке, 1994: 95].

Основные успехи в исследованиях рабочей группы были достигнуты в области ономастики. Под руководством слависта Эрнста Эйхлера лейпцигская ономастическая школа вела работу по составлению словаря славянской топонимики восточно-немецких областей, в том числе междуречья Одера и Нейссе и Нидерлаузитца. С 1956 г. было выпущено более тридцати томов серии «Германо-славянские исследования по ономастике и истории поселений». Задачи рабочей группы состояли в выявлении топонимов славянского происхождения в германо-славянских контактных зонах, определении границ расселения славян на территории Восточной Германии; исследовании языкового взаимодействия между славянами и немцами, а также течения, длительности и характера интеграционных процессов в области ономастики. В настоящее время проект «Germania Slavica» возглавляет профессор Грайфсвальдского университета им. Э.М. Арндта Кристиан Любке. Исследовательский проект «Germania Slavica» базируется в Лейпцигском «Гуманитарном центре по изучению культуры и истории Восточно-Центральной Европы» (GWZO e.V.), во главе которого стоит профессор Винфрид Эберхард. Основные направления работы проекта сосредоточены главным образом на археологических и медиевистических исследованиях, которые проводят его участники: доктор Маттиас Хардт, доктор Бабет Людовици, доктор Фред Руххёфт и другие ученые.

Обобщающей и наиболее полной работой о славянах на территории Германии стала книга «Die Slawen in Deutschland», изданная Йохимом Херрманом в Берлинском центральном институте древней истории и археологии. Последнее переработанное издание появилось в 1985 г. Различные разделы этого справочника охватывают практически все сферы жизни, хозяйственной деятельности и культуры славян, известные историкам. Книга обобщает весь собранный за несколько столетий летописцами, историками и археологами материал по истории и культуре славянских племен западнее Одера и Нейссе с VI по XII столетия. Это временное ограничение представляется важным для понимания концепции книги Хермана. Раньше история северонемецких земель трактовалась как история германо-славянского сообщества, ученые интересовались преимущественно немецким периодом истории земель восточнее Эльбы. Этот период, по их мнению, начался лишь со времени появления немецких переселенцев. История же древних славян представлялась маловажным этапом развития этих земель. Книга «Славяне в Германии», наоборот, заканчивается освещением истории немецкой феодальной колонизации и христианизации XII–XIII вв., германская военная и колонизационная экспансия на Восток связывается с

отрицательными последствиями для самостоятельного существования местного славянского племенного строя и его культуры. Отличительными особенностями работы Херрманна являются задача материала и фундаментальность исследования. Автор всесторонне описывает состояние сельского хозяйства, промыслов, ремесленной деятельности славянских племенных объединений в конкретных проявлениях и изменениях, эволюцию на протяжении веков, реконструированную на основе богатых археологических данных.

Помимо обобщающих трудов и исследовательских проектов немалое внимание в немецкой историографии уделялось освещению отдельных аспектов культуры полабских славян. Например, наиболее значительный вклад в изучение фонологии, морфологии, грамматики, диалектного членения, а также распространения и судьбы языка полабских славян внес известный немецкий славист, профессор Кёльнского университета Райнхольд Олеш [Olesch, 1971: 126–137; Olesch, 1973: 389–418; Olesch, 1986: 249–257; Olesch, 1988: 146–156]. Профессор Олеш в 1959 г. издал «Вокабулярий» пастора Хеннинга из Вустрова [Christian Henning von Jessen] и «Полный люнебургско-вендский словарь» (1794–1809) врача из Люнебурга Йоханна Хайнриха Юглера [Olesch, 1962]. При этом последнее, наиболее полное, собрание, насчитывавшее 3900 слов, за более чем двадцать лет кропотливой исследовательской работы Олеш расширил до 6000 единиц и дополнил более чем 30 000 примеров из дравенополабского языка. Публикация этого фонда в нескольких томах осуществлялась начиная с 1983 г. под названием «Thesaurus linguae dravaenopolabicae» [Olesch, 1983–1987]. Кроме того, профессор Олеш впервые опубликовал полный текст «Вендландской хроники Йоханна Парума Шульце» с серьезным научным комментарием [Die Chronik des Johann Parum Schultze, 1967], который впоследствии был обработан и адаптирован доктором Карлом Ковалевским и вышел в свет с комментариями в так называемом «народном издании» [Die Wendlandchronik, 1991].

Вопрос торговли в землях поморских и полабских славян и их торговых связей со скандинавскими, западно-европейскими странами, Киевской Русью и Востоком имеет давнюю традицию и рассматривается, как правило, в русле истории викингов. Многочисленные торговые связи славян Германии с Западной и Южной Европой, арабскими странами изложены в статье У. Шокнехта [Schoknecht, 1995: 16–23]. Автор исследует несколько городских ремесленных и торговых центров в регионе Балтийского моря, города Росток, Висмар, Анклам, Берген и другие, а также поселения викингов и их захороне-

ния в таких центрах. Важнейшим торговым путем, проходившим через регион Балтийского моря и связывавшим Скандинавию с восточно- и южно-славянскими землями, с одной стороны, и славян с Балтийским морем, с другой, посвящена работа «Ободриты, лютичи, руяне» Й. Херрмана. Автор уделяет внимание отдельным торговым поселениям Передней Померании и Рюгена, участвовавшим в торговых связях на Балтике. Привлекая археологический и нумизматический материал, Херрман доказал, что Аркона, о бурной торговой жизни которой оставлено немало летописных свидетельств, была лишь местом сезонной торговли, а не постоянным торговым центром, поскольку купеческих поселений на мысе не было [Херрман, 1986: 338–359]. Археологические раскопки в деревне Ральсвик на Рюгене, произведенные группой ученых из г. Штральзунд и с о. Рюген в 80-х гг., также внесли свою лепту в изучение вопроса о торговых связях поморских славян [Lampe, 1991: 129–134; Lange, 1986]. Изучение торговых связей и путей является важным еще и в том смысле, что помогает проследить или восстановить взаимопроникновения и взаимовлияния различных культур, религиозных культов и обычаев.

В историографию полабских славян свой вклад внесли и русские ученые-историки. В 1855 г. Вендланд посетил русский ученый-славист, славянофил и будущий член-корреспондент Петербургской академии наук Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872). Результатом его изучения дравенополабских древностей в г. Люхов стал труд 1856 г. «Памятники наречия залабских древлян и глинян» [Гильфердинг, 1856: 433–480]. Кстати, Гильфердинг был последним, кто держал в руках оригинал «Вендланской хроники» Йоханна Парума Шульце, речь о которой еще впереди. В следующем сочинении «История балтийских славян» (1874) А. Гильфердинг исследовал 455 полабских топонимов, сравнил их с похожими по звуковому оформлению польскими и сделал вывод об их славянском происхождении. Гильфердинг установил ареал распространения славянской топонимики и, следовательно, границы расселения балтийских и полабских славян на территории Германии, приводя в доказательство свидетельства немецкого летописца XII в. Гельмольда. Автор проследил территорию расселения славян и локализовал ее левым берегом Эльбы, от Зальцведеля и до Остервальде, включая Северную Тюрингию, и далее до границ Чехии. Он установил направления миграций балтийских славян с севера в поморские земли — Померанию, на юг — в Старую Марку или Бранденбургские земли — и наметил другой поток славянской колонизации — через среднюю Эльбу, от полабских сербов, который проник в центральные

районы Германии — Тюрингию до Гарца и в Австрию. По мнению историка, в X, XI и XII вв. западное побережье Эльбы представляло собой «сплошное славянское население, смешанное с немецким и подвластное немецким правителям» [Гильфердинг, 1874: 344].

Другой русский историк, ученик П.Г. Виноградова, Дмитрий Николаевич Егоров (1878–1931) строит свое фундаментальное двухтомное исследование источников по колонизации Мекленбурга «Славяно-германские отношения в Средние века: колонизация Мекленбурга в XIII в.» (1915 г.) на критике концепции Гельмольда и других средневековых хронистов, которые считали неоспоримым факт вытеснения славянства внедрившимся германским элементом в XII в. и полное завершение процесса к XIII в. Егоров, признавая ценность Гельмольда для последующих поколений историков, особенно эпохи Реформации, доказал значение хрониста не как источника («фактического историка»), а как толкователя исторических событий, записанных им со слов очевидцев. Общим моментом работ А.Ф. Гильфердинга и Д.Н. Егорова является критический анализ данных Гельмольда, в ходе которого авторы доказывают неполную достоверность и многочисленные преувеличения летописца в оценке роли голландцев и других германских народов в колонизации западного побережья Эльбы, а также размеров славянского сопротивления немецким властям в этом регионе. Латинский текст Гельмольда со множеством библеизмов был иначе осмыслен при переводе в эпоху гуманизма и Реформации и даже искажен комментариями. Отсюда, по мнению Егорова, заблуждения в толковании истории славяно-германских отношений в средние века [Гильфердинг, 1874: 316; Егоров, 1915, 1: 224–227]. Важными моментами книги Егорова являются постановка вопроса о том, что XIII в. не заканчивается история славянства на территории Германии, а также прогрессивный для того времени взгляд на германизацию полабских славян как сложный и длительный процесс, не закончившийся в одночасье.

В 1970-х гг. в журнале «Советское славяноведение» вышел ряд статей, посвященных истории расселения и этническим процессам в среде полабских славян Северной Германии. Так, в статье «К вопросу об образовании народности ободритов» А.Н. Саливон освещает вопросы расселения полабских славян на рубеже I–II тыс. н.э., времени заселения земель между Одером и Эльбой, проблему автохтонности славянских насельников северонемецких земель [Саливон, 1979]. Общественно-политическому строю, территориально-административной структуре ободритов, анализу этнического состава Ободритского союза племен VIII–

IX вв. посвящены статьи А.Н. Саливона «Ободриты. Некоторые вопросы общественно-политического строя» и «К вопросу об образовании народности ободритов» [Саливон, 1979; 1981], в которых автор, привлекая, среди прочего, свидетельства немецких летописцев Гельмольда и анонимного Баварского Географа, а также немецкий археологический материал, обобщает историческую картину расселения и общественной жизни славян.

Таким образом, традиционно в немецкой и русской историографии в основном внимание уделялось изучению различных сторон жизни и культуры древней славянополабской этнической общности, истории христианизации и феодализации территорий славян за Эльбой и Салой. При этом хронологические рамки ограничивались временем от заселения славянами северонемецких земель, т.е. V–VI вв., до периода немецкой колонизации, XII–XIII вв., гораздо реже — до XV–XVI вв. [Donat, 1995: 10–16; Schmidt, 1995: 23–30]. Проблемы славяно-германского синтеза в сфере материальных и духовных форм культуры, неизбежно возникавшего в ходе этнических процессов, имевших место в зоне постоянных многовековых этнокультурных контактов, прежде всего процессов насильственной и естественной ассимиляции, редко получали освещение.

С 1990-х гг. благодаря инициативе и сотрудничеству профессора А.С. Мыльникова с исследователями проекта «*Germania Slavica*» границы научного направления проекта были расширены «от области языкового контакта до поля взаимодействия культур в самом широком смысле» [Любке, 1994: 97]. В проект было решено ввести новое — этнографическое — направление, а в 2000 г. в работе проекта «*Germania Slavica*» приняли участие и российские ученые — сотрудники отдела европейстики Кунсткамеры, проводившие двухмесячные полевые исследования в деревнях Северной Германии.

Гипотезы об исчезновении полабских славян

Ученые-слависты в своих трудах неоднократно рассматривали различные теории, которые служили объяснением процессов, происходивших в Северной Германии на рубеже XII–XIII вв., причин полной замены одного этноса другим на территории Мекленбурга.

Начиная с XVI в. ученые развивали «теорию завоевания», сыгравшую важную роль в историографии XIX в. Суть ее заключалась в шовинистическом делении всех народов на народы-господа и народы-рабы, одним из которых надлежало властвовать